

Ошибки Серёжи Царапкина. Повесть и рассказы

Автор:

[Юз Алешковский](#)

Ошибки Серёжи Царапкина. Повесть и рассказы

Юз Алешковский

#школьноприкольно

Герои произведений Юза Алешковского – обычные мальчишки и девчонки. Они выращивают клубнику, читают книжки, играют в хоккей и весело и интересно проживают своё детство. Но перед ними встают совсем недетские вопросы. Серёжка Царапкин знает, что его одноклассник совершил преступление. Правильно ли указать на виновного друзьям? Не будет ли это предательством? Серёжа выбирает молчание и запутывается ещё больше.

В книгу Юза Алешковского вошла повесть «Черно-бурая лиса» и два рассказа «Белая мышь» и «Научное открытие».

Для среднего школьного возраста.

Юз Алешковский

Ошибки Серёжи Царапкина

Повесть и рассказы

Я уверен, что всем людям, которые уже стали взрослыми, иногда очень хочется хоть ненадолго вернуться в страну своего детства – в шумный школьный коридор, или в зелёный московский дворик, или в полный всяких чудес Дворец пионеров. Вернуться – и снова встретить своих друзей. Но учёные пока ещё не изготовили машину времени. Тогда я взял и решил: напишу книгу про Вовку Рыжикова, Петьку Козлова, Серёжу Царапкина и их товарищей. Я сам выдумал все имена. Но одно совершенно точно: эти ребята очень похожи на моих друзей. Они верны дружбе, непримиримы к нечестности и несправедливости, а если им не всегда везёт, если они иногда ошибаются, то уж с этим ничего не поделаешь – на ошибках мы учимся. И мне бы хотелось, чтобы ребята из моей книжки стали вашими друзьями и чтобы наша общая дружба помогла вам быть всегда справедливыми, искренними и готовыми совершать добро.

Автор

Черно-бурая лиса

Повесть

1

Я сидел на лавочке в скверике перед нашим домом и проветривал голову после целого дня повторения правил грамматики.

Осенью меня ожидала переэкзаменовка по русскому. Как сказал директор школы, я находился один на один с реальной угрозой остаться на второй год в пятом классе.

В третьей и в последней четверти у меня были двойки по русскому. В диктантах я ухитрялся делать такие ошибки, что учителя обсуждали их на педсовете. А Анна Павловна, преподававшая у нас русский язык, стала сомневаться в моей нормальности. Сам-то я только под конец года понял, что никакой я не ненормальный. Просто я увлёкся схемами транзисторных приёмников и не учил, а зубрил правила и почти не читал книжки, но исправлять положение под конец года было уже поздно. На контрольном диктанте я привёл в ужас инспектора районо, который стоял у меня за спиной. Из-за него я ничего не мог списать у соседа по парте Антипкина.

На последних переменках некоторые ребята с жалостью, а некоторые свысока поглядывали на меня, как будто я уже сидел второй год в пятом, а они учились в шестом.

Но когда закончились занятия, я поклялся себе: «Дудки! Один месяц буду безвылазно учить правила и читать книги, другой – писать диктанты, а третий – купаться в озере. Ни за что не останусь в пятом!..»

Уныло, конечно, было сидеть в скверике, когда все занимаются чем хотят. В голове моей мелькали приставки, суффиксы и падежные окончания.

Я спичкой написал на песчаной дорожке слова: «Загорел. Прекрасный. Невмоготу».

Я всё время так тренировался.

В правильном написании первых двух слов я был уверен, а вот над «невмоготу» задумался. Я это слово стёр и написал его отдельно: «не в моготу», потому что решил: «не» с предлогом «в» вместе не пишется.

– Серёжка! – вдруг окликнули меня. – К тебе Анна Павловна пошла.

«Этого ещё не хватало!» – поморщился я и побежал домой.

В подъезде я столкнулся с Гариком. Он тоже сообщил:

- Там Анна Павловна!

Я вызвал лифт. Гарик зачем-то зашёл со мной в кабину. Мне не хотелось с ним разговаривать, потому что он отказывался диктовать мне диктанты. И вообще я его недолюбливал: в нём всегда было что-то лживое и недоброе. Я нажал кнопку, а Гарик, когда лифт был между вторым и третьим этажом, нажал на «стоп».

- Нас никто не услышит... - быстро сказал он. - Я знаешь что придумал? Клубника уже поспела. Сам видел... Давай ночью слазим в сад...

- А дальше что? - спросил я.

- Её хотят везти на выставку.

- Ну и пусть везут.

- Так мы же копали, пололи... Надо хоть попробовать...

Доказывать что-либо Гарику мне было противно и некогда: не терпелось услышать разговор Анны Павловны с мамой.

- Ползем! - уговаривал Гарик. - Даже интересно. Ночь, а мы ползём... А?

- Не пойду. Отпусти кнопку! - прикрикнул я.

- Скажи - струсил. Мямля! - обвинил Гарик.

Внизу кто-то забарабанил по железной сетке. Я оттолкнул Гарика и нажал кнопку.

- Струсил? Струсил? - не отставал Гарик.

Мне очень хотелось сказать всё, что я о нём думаю, но лифт остановился, я вышел на площадку, тихо прикрыл дверь и пригрозил Гарику:

- Я тебе ещё покажу!.. Я тебе струшу! Только попробуй залезть в сад!

- Иди! Иди! Пожалуйся! Предатель!.. - злобно зашипел Гарик.

- Я не предатель! - не задумываясь, сказал я, хотел войти в лифт, чтобы выяснить, кто из нас предатель, но тут снова забарабанили по железной сетке, и Гарик поехал вниз.

3

Я уже хотел было открыть дверь, но услышал, что мама и Анна Павловна разговаривают в передней. Я замер у двери. Мама всхлипнула:

- В кого он? Я за диктанты получала в школе только четвёрки и пятёрки. Муж до седьмого класса был отличником. Мы вместе учились. Так в кого же он? В кого?

- Да-а... делать в одной фразе из пяти возможных ошибок восемь - рекорд.

- Прямо пещерный житель... - мама снова всхлипнула.

- Только не нужно отчаиваться. Я уверена, что Серёжа настроен серьёзно. Ему необходимо помочь до начала консультаций в школе.

– Как помочь? Я пробовала ему диктовать и испортила все нервы. Вместо «вперёд» он пишет «впирёт»; вместо «камень» – «каминь»... Это безнадежно. Только в дворники ему дорога!..

Я разозлился и открыл ключом дверь.

– Вот! Взгляните на него! – сразу набросилась на меня мама. – Ты понимаешь, что, если не будешь всё лето писать диктанты, тебе откроют зелёную улицу в дворники? Ты понимаешь это или нет? Не ковыряй в носу, когда с тобой разговаривают взрослые!

Я молчал, теребя носком ботинка дорожку.

– Серёжа, – сказала Анна Павловна, – ты обещал взять себя в руки и каждый день писать диктанты. Но мама жалуется, что дело стоит на месте.

– Как же ему не стоять, – пробурчал я, – если никто не хочет диктовать, а она... только хлопает меня учебником по голове после каждой ошибки!

– Как же тебя не хлопать? – возмутилась мама. – Поверьте, он исключительно назло мне написал вчера «жоравли» вместо «журавли». И ещё заявил: «От слова «Жора».

– Ну, знаете... – Анна Павловна развела руками. – В общем, Серёжа, если ты не подучишь правила и не переборешь рассеянности...

– ...то останешься на второй год, – подсказал я.

– Я этого не переживу! – решительно заявила мама.

– Тогда я вам советую взять репетитора хотя бы на месяц.

– Позор! Как последнему тупице! Дожил!.. – сказала мама.

– Итак, Серёжа, забудь про лето. Никаких турпоходов, лагерей, футболов и плавания с утра до вечера. Пиши диктанты, больше читай и развивай зрительную память. Как пишется «зрительную»? – спросила Анна Павловна.

- «Тельную», - сказал я, немного подумав.

- Молодец! Я всегда утверждала, что врождённой безграмотности не бывает.

- Бывает, бывает... - грустно прошептала мама.

- В общем, до свиданья. В августе я с тобой позанимаюсь. Главное, помни: ты сам кузнец своего счастья... Простите, я очень спешу.

- Угу... Буду ковать железо, пока горячо.

- Видите! Он шутит, - сказала мама.

- Я больше не буду, - пообещал я на всякий случай.

- Всего хорошего. Спасибо, что зашли.

Мама вытерла слёзы и открыла дверь.

Анна Павловна ушла.

Я поплёлся в комнату, уверенный, что нет на свете человека несчастнее, чем я.

4

Мой отец задержался на собрании. Когда он пришёл, мама сообщила:

- Была Анна Павловна. Она советует взять репетитора.

- Репетитора мы брать не будем, - сказал отец, повесив пиджак на стул.

- Как не будем? - удивилась мама. - Ты шутишь? Ведь ребёнок на краю пропасти!

Отец посмотрел на меня и засмеялся.

- Ах, значит, тебе денег жалко? Значит, ты предпочитаешь, чтобы этот шалопай лишний год учился в пятом классе и рос тунеядцем?

- Не захочет учиться - будет работать.

- Дворником? - спросила мама.

- Да. Дворником, - спокойно подтвердил отец.

- Посмотрим, до чего доведёт всех нас твоё олимпийское спокойствие.

Мама ушла на кухню. Она всегда так делала, когда чувствовала, что спорить с отцом бесполезно. А однажды я услышал, как он сказал маме:

«Мы же договорились, что если у нас будет сын, то я играю в воспитании первую скрипку. Мужчину воспитывать труднее...»

- Пап! А почему у тебя олимпийское спокойствие? - спросил я.

- Ты как следует занимаешься? Вытянешь русский? - переспросил он.

- С правилами всё в порядке. Только диктатора нужно найти.

- Диктующего, - поправил отец. - И учти: я верю, что ты вытянешь. Если подведёшь, мы перестанем быть товарищами. Думаешь, я не знаю, почему ты завалил язык?

Это была правда. Отец никогда не ругал меня и сохранял олимпийское спокойствие, как Зевс. Но уж лучше бы он ругал меня, как мама, а не грозил порвать товарищество и не обижался, по неделям со мной не разговаривая.

- Ну, а что, если я и вправду родился безграмотным? - спросил я.

- Не хитри! - сказал отец. - Профессор Бархударов тоже родился безграмотным, а стал автором учебника. А мама, думаешь, ещё в пелёнках писала на пятёрки диктанты?

- А почему тогда, - я это читал в журнале, - когда Вольтер делал ошибки и ему сказали про это, он ответил: «Тем хуже для орфографии»?

- Пока ты не Вольтер, а Царапкин, ты должен писать без ошибок. Понял?

- Понял... А когда вы вместе учились, мама была ябедой?

- Была одно время, - нарочно громко сказал отец и подмигнул мне.

- Ну?! Как она ябедничала? - спросил я.

- Я одно время любил есть бублики на уроках...

- Она выдала?

- Написала заметку в стенгазету... Лида! Как насчёт чая с бубликами?

Мама принесла из кухни чайник.

- Если бы я тогда не была, как вы говорите, ябедой, - сказала она, - твоего отца исключили бы из школы за плохое поведение.

- На меня Маринка тоже написала заметку. Ни за что не женился бы на ней! - заявил я.

Отец засмеялся.

- Ты думай не о женитьбе, а о диктантах. А ты, отец, запрети ему водиться с твоим подопечным, Пашкой, пока он не затянул его в какую-нибудь историю, - сказала мама. - Твоя доверчивость - это уже не доверчивость, а беспечность!

- Что тебе сделал Пашка? - я вскочил со стула.

– Под его диктовку ты можешь натворить всё, что угодно... И как ты разговариваешь с мамой?

– Лида, – сказал мой отец, намазывая вареньем бублик, – представь Серёжу на месте Пашки. Он начал новую жизнь. С удовольствием, вот как я сейчас пью чай, работает, а на него косятся, показывают пальцами мамы и пугают своих детей! Приятно?

– Во-первых, я не могла бы быть матерью такого сына. Во-вторых, от таких, как Пашка, нужно держаться подальше. В-третьих, ты можешь заниматься им в своей бригаде, а ты, Серёжа... Я запру в шкаф всё, вплоть до трусиков, если хоть раз увижу тебя вместе с Пашкой! – пообещала мне мама. – Лучше бы ты дружил с Гариком.

Хотелось мне сказать маме, что всё наоборот. Что Пашка не наталкивает меня на плохие поступки, а расспрашивает про историю, географию и естествознание, чтобы подготовиться к школе рабочей молодёжи. Хотелось мне открыть, кто такой Гарик и на какие подлости он способен. Но мама была так настроена против Пашки, что всё равно не поверила бы ни одному моему слову.

Я не стал пить чай, обиженно вышел из-за стола, разобрал свою постель и улёгся с «Судьбой барабанщика». Я читал эту прекрасную книжку и не прислушивался к спору отца с мамой, но у меня слипались глаза, я спрятал книжку под подушку, завернулся с головой и услышал конец их спора.

– Моя установка – не верить ни одному его слову. Тогда у него не будет возможности меня обмануть. Так приучают к правде, – сказала мама.

– А я предпочитаю доверять, – упрямо заявил мой отец. – Ведь ты химик и пойми: доверие, так сказать, нейтрализует ложь!

– Наоборот! – воскликнула мама. – Катализирует! Поощряет. Сначала надо приучить его к правде. А если безответственно доверять, то он будет

безнаказанно лгать.

«Нет, мама. Если бы ты знала, как прав отец и как обидно, когда мне не верят, если я говорю правду...», – подумал я и решил посмотреть утром в словаре, что такое «катализирует», и полетел, полетел в мягкую темень, не успев додуматься, почему это сразу засыпаю, несмотря на невесёлые мысли о диктантах. А мама часто говорит: «Даже ночью думаю о твоих делах, не могу уснуть и просыпаюсь разбитая...»

Я уснул, и мне приснился самый страшный из всех просмотренных мною в жизни снов.

5

Мне приснилась огромная поляна на опушке папоротникового леса, который потом превратился в каменный уголь...

Наш класс сидит за партами, сделанными из необтёсанных валунов. Я с трудом узнаю своих одноклассников. Мальчишки похожи на первобытных людей, как в книжке «Борьба за огонь»^[1] – «Борьба за огонь» – роман писателя Жозефа Рони-старшего о доисторическом прошлом человечества.], – мохнатые и неподстриженные, а девчонки наоборот: все с косичками, бантиками и в формах.

Вдруг появляется директор нашей школы Лев Иванович, подстриженный и выбритый, как всегда, в белой рубашке с чёрным галстуком, но вместо брюк на нём пальмовая юбка, в которых ходят папуасы.

В папоротниковой чаще бродят ихтиозавры и другие ящеры. Я прицеливаюсь в самого крупного из рогатки, и Лев Иванович сразу делает мне замечание:

«Царапкин!»

«А что я сделал?» – говорю я по привычке.

«Отдай рогатку дежурному. Начинаем контрольный диктант».

«Я больше не буду», – заверяю я Льва Ивановича.

«Хорошо. – Лев Иванович начинает диктовать: – Осетин-извозчик лениво погонял лошадей».

Я острым камешком царапаю на каменной доске буквы и мучительно стараюсь не сделать ошибок, потому что их очень трудно исправлять.

Одну фразу мы нацарапываем весь урок, и я устало высказываюсь:

«Скорей бы гении изобрели чернила!»

«Царапкин! Как тебе не стыдно! Ты писал грамотнее, когда был ещё обезьяной! Ты написал «аситин» и поставил тире между «извоз» и «чиком»! Ты останешься в каменном веке на второй год и не перейдёшь в царство Урарту! Ни в коем случае... Кто знает, как Царапкин до этого докатился?» – спрашивает Лев Иванович.

«Он всю третью четверть добывал под партой огонь!» – выдаёт меня Маринка.

Я тут же обещаю:

«Я больше не буду!»

«А-а, добывал огонь? На уроках? Так вот, – решает Лев Иванович, – ты останешься без перемены и будешь писать слово «невмоготу», пока не напишешь правильно. А все пойдут охотиться».

Лев Иванович вручает мне каменную записку со сложноподчинённым предложением: «Прошу вас, которые его родители, прийти в школу» – и бьёт в тамтам.

Весь наш класс со страшным шумом срывается с мест и, занеся над головами копья, несётся по поляне к огромному мамонту. На боку у мамонта мелом написано: «БУФЕТ». Лев Иванович указкой руководит охотой.

У меня текут слюнки, я стараюсь разгадать, как пишется «невмоготу». Руки дрожат, острый камешек крошится... Ребята уже осыпали мамонта копьями... Я царапаю на камне «не в моготу», и мне так страшно остаться на второй год в каменном веке, что я вдруг замечаю ошибку, хочу её исправить, собираю все силы. Ведь нужно только соединить чёрточками «не» с «в» и с «моготу», только соединить, но руки у меня, как назло, не двигаются, тяжёлые, свинцовые, и я с ужасом кричу Льву Ивановичу:

– «Невмоготу» пишется вместе! Чур! Вместе!..

Я проснулся и обрадовался, что это происходило во сне. Мама поправила на мне одеяло и поцеловала в лоб.

– Спи, спи... Правильно: «невмоготу» пишется вместе. – Она вздохнула: – Если бы ты наяву был таким же грамотным, как во сне...

Я снова уснул, и мне больше ничего до утра не приснилось.

6

Перед уходом на работу мама, как всегда, сдёрнула с меня одеяло. Я хотел сразу встать, повыжимать гантели и взяться за правила, но солнце пригревало так, как будто стёкла наших окон были увеличительными. Вставать уже не хотелось... И вот замелькали передо мной отрывки из древнеисторического сна.

Я бы проспал ещё часа два, если бы меня не разбудил страшный свист. Я вмиг спрыгнул с кровати, открыл окно и выглянул во двор. «Победа» жильца из пятнадцатой квартиры, всегда стоявшая под моим окном, с затихающим шипом оседала на одну сторону. От неё с хорошо надутым футбольным мячом в руках

бежал за угол Витька. Я сразу догадался, в чём дело: Витька, конечно же, вывернул золотник из ниппеля, подсоединил к нему сосок мяча и надул его воздухом из шины. Витька вечно что-нибудь изобретал.

Я уселся поудобней на подоконник, предчувствуя очередной скандал. Пенсионеры и домашние хозяйки, позёвывая, вышли на балконы. Дошкольники Вовка и Вика бегали вокруг «Победы» с недоеденными бутербродами. Наконец с портфелем под мышкой появился её владелец. Заметив спущенную шину, он взглянул на часы и схватился за голову. При этом его портфель упал на тротуар.

- Ты? - спросил он, схватив за ухо Вовку.

- Ой! Я завтракал, а она сама зашипела! - заявил Вовка.

Из подъезда тут же выбежала его мама.

- Это ваш ребёнок или мой? Это ваше ухо или ребёнка? - стала выяснять она.

- Но я же опаздываю... - оправдывался владелец. - И это не в первый раз...

С балконов и из окон вмешались в спор жильцы. Они требовали приструнить «болтающихся без дела школьников». Дом загудел. Владелец поднял портфель и посмотрел на меня:

- Ты видел?

- Нет. А если и видел, то не скажу. Я не ябеда! - сказал я громко и гордо.

Вовкина мама взяла Вовку за ухо и повела домой. Вид у неё был такой, как будто она имеет на это полное право.

Владелец взглянул на часы, вздохнул, плюнул на шину и пешком пошёл на работу.

7

Я всё сидел на солнышке, зажмурив глаза и обхватив руками коленки, и слышал щёлканье верёвки и шуршание плоских камешков по асфальту: это девчонки прыгали и играли в «классики»; слышал, как пенсионеры высыпали на стол из пакетика фишки домино и забивали своего ежедневного «козла»; слышал, как зазвенели подшипники по асфальту: это продавщица Нюра привезла на тележке молоко в красно-синих пакетиках.

Хорошо было вот так, не думая ни о чём, зажмурив глаза, представлять наш двор!

А солнце пекло по-настоящему первый раз за это лето. Только не было слышно ни крика, ни смеха мальчишек. Все они ушли на озеро. Утром там мало народу... Вода зеленоватая и прохладная, а мелкая галька холодна после ночи. Ребята плавают и лежат на спинке, и, замёрзнув в воде до дрожи, гоняют по берегу в футбол, и снова... бултых в воду!

Кто-нибудь из моих одноклассников спрашивает у ребят:

«А где Серёжка?»

И они равнодушно отвечают:

«Зубрит правила!»

Тут у меня тоскливо заныло сердце. Я открыл глаза. Под моим окном стояла продавщица Нюра и с ужасом смотрела на меня.

– Захотел в больнице проснуться? Куда глядишь?

– Зрительную память развиваю. Учительница велела, – сказал я и спрыгнул с подоконника.

Правда, я почти целый месяц развивал зрительную память. Это было даже интересно: читать хорошие книжки, а потом представлять в уме трудные слова, писать их и радоваться, что неожиданно правильно написал. Я раньше никогда так не делал...

Мне захотелось есть, а котлеты и каша совсем остыли. Рядом со сковородой лежала мамина записка:

НИ НА МИНУТУ НЕ ЗАБЫВАЙ

ОБ УГРОЖАЮЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ.

Я съел холодные котлеты с зелёным луком и повторил про себя правила про слова «в продолжение» и «в продолжении», «в течение» и в «в течении» и из-за этого течения снова вспомнил про озеро...

Дворник Хабибулин поливал двор. Воробьи копошились в лужах и разбрасывали крылышками воду так, что маленькие радуги висели над лужами. А рядом с Хабибулиным раскинулась большая радуга. И мне так захотелось на озеро, что по спине пробежали мурашки и заломило зубы.

Я взглянул на мамину записку об угрожающем положении, снял майку и босиком выбежал во двор.

8

После холодных ступенек лестницы приятно было пошлёпать по мокрому тёплому асфальту.

Я присел на краешек тротуара и стал завидовать всем: и девчонкам, игравшим в «классики», и забивающим «козла», и Петру Ильичу, разгадывающему очередной кроссворд, и малышам, спавшим в колясках, и даже воробьям! Кому из них надо было писать диктанты? Никому! А кто мне будет диктовать? Никто!

– О-о-у! – неожиданно застонал я, схватившись за голову.

Хабибулин обернулся вместе со шлангом, горошинки воды заколотили меня по лицу, по груди, и я ахнул от внезапного холода.

– Ещё? – засмеялся дворник.

И, не успев отдышаться как следует, я кивнул, съёжился в комочек, уткнул подбородок в коленки, и меня окатило с головы до ног.

Я вскочил с тротуара, завертелся на одном месте, а Хабибулин смеялся и поливал меня из шланга крепкой, холодной струёй. Я не выдержал и отбежал в сторону.

– Ну как? – спросил Хабибулин.

– Здорово, как в озере!

Мне уже расхотелось идти купаться. А под ложечкой снова заныло из-за диктанта. Я спросил:

– Ахмет! А почему вы стали дворником?

Он удивился:

– Куда мне ещё?

– Как куда? Инженером бы стали... или шофёром... или врачом... или, как Шилкин, по женским причёскам...

– Я от рожденья до сих пор малограмотный, – весело сказал Хабибулин.

- Чего ж вы не учились? Не хотели?

- В наше время работать надо было. Себя кормить. Меньших братьев кормить. А ты: «Хотел... не хотел...» Тебя вот кормят, одевают, каникулы дают...

- А при царе были школы рабочей молодёжи? - спросил я.

- Дурак, - сказал Хабибулин.

- Лучше работать, чем писать диктанты... - подумал я вслух.

- Не знаю... не знаю...

- Эх! Счастливый вы человек! - позавидовал я.

- Угу, - подтвердил Хабибулин.

Вода с меня стекала, как с пуделя из второго подъезда. Его тоже выкупал Хабибулин. Я прошёлся по двору, решив попросить кого-нибудь мне поддиктовать.

На доске ЖЭКа висело объявление:

ТОВ. РОДИТЕЛИ

млашево и среднива возраста

завтра састаица важна собрания.

Я засмеялся и крикнул Хабибулину:

- Это ты писал?

- Я! - гордо ответил наш дворник.

Я достал из мокрого кармана карандаш и, вымазав руки, потому что он был химическим, исправил в объявлении ошибки. Вместо «сас» я написал «SOS-тоится». Пусть все думают, что техник-смотритель забил тревогу. Многие жильцы с самого начала каникул жаловались ему на мальчишек из нашего дома. Правда, во дворе каждый день кто-нибудь что-нибудь вытворял. Но на меня последнее время жалоб не было: я занимался. Соседи по подъезду даже спрашивали маму: «Не заболел ли Серёжа?» А довольная мама говорила мне:

– Вот видишь, когда ты занят делом, я спокойна.

Я подошёл к забивавшим «козла». Двое из них ссорились. Один показывал, что «рыба» была необходима, а другой говорил:

– Вам, милый, надо дома под кроватью тренироваться. Это не «рыба», а преступление.

Он налил в колпачок термоса капли Зеленина и выпил. Во время споров ему становилось плохо.

– Не корову проигрываете... – успокаивали его остальные.

Никто из них, конечно, не бросил бы «козла» из-за моего диктанта.

Тогда я направился к Чурикову из нашего класса. Он возился у подъезда с гоночным велосипедом.

– Слушай, подиктуй мне с полчасика, а? – попросил я.

– Ну вот ещё! За полчаса я километров десять проеду. Тренироваться надо, – отмахнулся Чуриков, натягивая цепь.

– Хороши вы все! – сказал я.

– Ладно упрекать. Сам виноват. Тебе говорили? Говорили! А хочешь, поедem со мной? Бери у отца велосипед. Выедem за город! Будем печь картошку! На привалах подиктую.

Я быстро отошёл от него, чтобы не соблазниться.

9

Недалеко от скверика, под развешанными на верёвке шубами и пальто, сидела домработница Ксюша. Наверно, она устала выбивать пыль и читала книжку.

– Тётя Ксюша! – сказал я вежливо. – Всё равно вам нечего делать. Подиктуйте мне пару страничек из книжки! Я сбегаю за тетрадкой. А потом я вам все вещи выбью: я люблю пыль выбивать. Подиктуете?

Ксюша подозрительно посмотрела сначала на меня, потом на шубы и пальто и так же подозрительно спросила:

– Это зачем же диктовать?

– У меня угрожающее положение... – Я старался говорить как можно вежливей.

– У меня тоже. Только и гляди в оба, чтобы ваш брат чего-нибудь не украл.

– К сожалению, у меня нет брата, – не выдержал я.

– Ну и не мешай стеречь! – проворчала Ксюша.

10

В этот момент я услышал свист. Как всегда, быстро обернулся, но никого не увидел. Тогда кто-то снова засвистел. Я пошёл к нашему дому. Свист стал громче. Только он доносился не с балкона, а откуда-то снизу.

«Наверно, из котельной...» – подумал я. И правда, когда я подошёл поближе, свист прекратился, а из подвального окна высунулся Гарик и знаками велел мне лезть через окно в котельную.

Я походил, как будто от нечего делать, около окна. За мной никто не следил. Потом спустился в нишу и с подоконника прыгнул на кучу шлака.

В котельной было темно и холодно и пахло кислинкой, как около паровоза. Гарик схватил меня за руку и потащил за котлы. Я шёл за ним, как слепой. Наконец, отпустив мою руку, он сказал:

– Смотри!..

Я ещё не привык к темноте и ничего не увидел. Но в котельной вдруг почему-то пахло ананасами. Я принюхался и сглотнул слюнки.

– Виктория!.. Самый вкусный сорт!.. Смотри! – прошептал Гарик.

Я пригляделся получше и увидел белую плетёную корзинку, висевшую на большом винте. Это от неё пахло ананасами.

– Ешь... Я не такой... Сам слазил и тебе принёс... Страшно было... Самый вкусный сорт...

Я машинально взял из корзины пару прохладных, немного шершавых клубничин и представил, как Маринка прибегает в сад, видит обобранные кусты и истоптанные грядки. Она садится на корточки и плачет... Ведь на днях первый сбор клубники лучшего сорта «Виктория» мы должны были представить на выставку... Маринка больше всех возилась в саду и специально четыре дня туда не заглядывала. «Так интересней, – говорила она, – маленькие и зелёные ягоды вдруг становятся большими и красными...» А тут свой же... Я даже не сразу поверил, что Гарик всё-таки оборвал общую клубнику.

- Ешь! Чего ты?

Гарик дышал мне в лицо. От него пахло клубникой.

Я изо всех сил оттолкнул его. Он охнул, упал, но закричать побоялся.

- Под дых, значит?.. Под дых, значит?.. - Гарик поднялся с кучи шлака. - Чистюлей притворяешься?

Я снял корзинку с винта, прижал Гарика в угол и пригоршнями стал запихивать ему в рот клубнику. Он так перепугался, что, вытаращив глаза, глотал её почти неразжёванную.

- Наелся?.. Гадина ты земноводная! - Я бросил корзину. - Учти: если сам не расскажешь, хуже будет.

- Что? Ты доложишь? - пришёл в себя Гарик. - Тоже ответишь!.. Я бы, может, не пошёл...

- Ах, ты! Значит, я ещё виноват?

Я налетел на Гарика, мы схватились и упали. Он, изловчившись, укусил меня за ухо. Я от боли вскрикнул, выпустил его, он отскочил в сторону и примирительно, очень быстро и шёпотом, заговорил:

- Ну чего ты шум поднял? Что я такого наделал? Там же ещё осталось... И всем, наверно, обидно: возились, возились, а её - тю... и на выставку! Я свою долю съел... И не побоюсь никого!

Я кусал губы от злости на него и ещё больше на себя. Ну почему? Почему я не предупредил этого?..

Гарик, конечно, почувствовал, что я растерялся, и совсем уже примирительно хихикнул.

– Ладно мучиться-то... Мы же работали? Работали! И нам, как колхозникам, по трудодням положено...

Я стал забираться на подоконник: двери котельной летом были закрыты. Гарик противно поддразнивал:

– Иди, иди! Спредательничай.

– Я не предатель! А ты – гад! – огрызнулся я, вылез из окна в нишу, подтянулся на руках и снова очутился на дворе. Чувствовал я себя так, как будто это я совершил подлую кражу.

11

С минуту я попрыгал по клеточкам «классиков», сделав вид, что играю в эту девчачью игру с самого утра.

– Вот он! Вот он! Ах, ты!

Я обернулся, на меня налетела Ксюша и схватила за волосы:

– Отдавай!.. Говори, кто взял! Не выпущу!.. Я её, – Ксюша расплакалась, – двадцатый год ношу!

Я вырвался. Ксюша насканивала на меня, а я отскакивал, пытаюсь сообразить: в чём же дело?

Старики, забивавшие «козла», подбежали к нам с фишками в руках:

– Тихо! Тихо! Весь дом переполошите!

– Говори толком!

– Я её двадцатый год ношу! – плакала Ксюша, прислонясь к стене.

Мне её стало жалко, хотя я всё ещё ничего не понимал.

– Что двадцатый год? Кого вы носите?

– Хитрец проклятый! Чернобурку мою ношу. Вот что! А он подошёл давеча... «Подиктуй диктант», – говорит... Минут через пять смотрю, а лисы как не бывало. Я ж к ней, как к живой, привыкла. – Ксюша совсем разрыдалась. – Отвлекал нарочно!..

– Ну-ка, подойди! – сказал старик Мешков.

Я подошёл.

– Отдай лису!

– А вы докажете! – вызывающе заявил я.

– Какая наглость!

– Ты же подходил к ней. Мы сами видели! – возмутились старики.

– Отвлекал он меня... Точно отвлекал... – Ксюша высморкалась.

– Нет! Нет! – закричал я. – Я правда подиктовать просил. Честно – просил! Вы что? Я не вор!..

Тут я заметил, что из ниши вылез Гарик и, встав в стороне, ехидно наблюдает за происходящим.

– Дать ему как следует! Всё расскажет! – посоветовал кто-то с балкона.

Старики окружили меня. Я, заикаясь, сказал:

– Ребята!.. То есть... товарищи! Честное слово! Я... зачем мне лиса? Черно-бурая... и даже мёртвая?.. Что вы!

Один из них стал расстёгивать ремень, а старик Мешков возразил:

– Так не годится! Это будет необоснованная репрессия. Я такой подвергался в иные времена. Нужно разобраться.

Тогда старики подошли к Ксюше и стали её успокаивать:

– Не плачь. Лиса – не иголка.

– Вызовем участкового.

– В Голландии из музея украли картину Рубенса, и то нашли...

– А в Англии почтовый вагон с миллионами увезли...

– В Америке у певца сынишку угнали... Нашли же! А черно-бурую и подавно найдут!

Старики лучше всех во дворе знали, что творится на белом свете. Ксюша с интересом слушала и только охала.

Вокруг неё уже собралась толпа. Старики снова застучали фишками.

Я отошёл к подъезду, готовый в любую минуту смыться домой. Ко мне подошёл Гарик.

– Значит, лису можно, а клубнику нельзя? – сказал он. – И помалкивай!

Мне стало окончательно ясно, что? это за человек, и я презрительно отвернулся от него.

А Ксюша уже немного успокоилась. Она с выражением рассказывала жильцам, как хитро я её отвлек, а в этот момент «свистнули» лису, и что сделал это

наверняка «тюремщик» Пашка, потому что он «как раз проходил мимо».

- Он на обед шёл! Не наговаривайте! - крикнул я.

- Видали? Выгораживает! Зря таких выпускают! Лиса небось денег стоит! - Ксюша погрозила кулаком в сторону Пашкиного балкона.

У меня сердце заняло из-за Пашки. Он изо всех сил старался работать в бригаде моего отца, чтобы забылась его прошлая жизнь вора-карманника.

Я хотел пойти предупредить его и сказать, чтобы не обращал внимания, но было уже поздно: Пашка сам вышел из подъезда и на него, как на меня раньше, сразу все набросились:

- Ты слово давал!..

- Мы подписи собирали! Вызволили тебя!..

- Опять за старое!..

- Отдавай лису!..

- Серёжка во всём сознался!..

- Эй, эй! Пашка! Я ни в чём не признавался! - крикнул я.

Пашка растерянно смотрел то на меня, то на Ксюшу. Она полезла к нему за пазуху, но не нашла там черно-бурую лису. Пашка отпихнул её:

- А ордер у тебя есть на обыск?

- Ишь грамотный! Заставим лису отдать!

- Ну-ка, пустите! С обеда опаздываю! - Пашка вырвался из толпы и побежал на завод.

А наш дворник Хабибулин, всё так же задумчиво поливавший двор, подошёл со шлангом к жильцам и в шутку пригрозил:

– Разойдись!.. Эх, оболую!.. Всё выясним! Разойдись!

Все стали расходиться. Ксюша пошла к своим шубам, пересчитала их и со злостью заколотила по ним выбивалкой.

Из третьего подъезда в красивом халате и с какими-то белыми цилиндриками в волосах выбежала тётенька. Встав посреди двора, она позвала:

– Кис-кис! Кис-кис-кис! Кисанька! Диди!..

Кошка не подбежала к ней. Тогда она, вздохнув, вывесила на доске объявление и убежала в подъезд, извинившись неизвестно перед кем:

– Ах, простите! Я в неглиже!

Я подошёл к доске и прочитал объявление:

БЕЗОБРАЗИЕ!

Исчезла моя любимая кошка.

Нашедшего умоляю вернуть.

Вознаграждение по соглашению.

Кв. 44.

Настроение заниматься пропало у меня из-за Гарика с клубникой и черно-бурой лисы. Чтобы забыться, я подошёл к Петру Ильичу, который всё ещё разгадывал кроссворд, и спросил:

- Пётр Ильич! Что такое «неглиже»?

Я всегда расспрашивал его про незнакомые слова.

Но Пётр Ильич сам на этот раз спросил у меня:

- Река на Урале... пять букв... последняя «я»?

- Белая! - выпалил я неожиданно для себя.

- Прекрасно! - обрадовался Пётр Ильич. - Географию ты знаешь. А зоологию? - он хитро посмотрел на меня. - Хищник из четырёх букв. Вторая «и».

- Тигр! - сказал я.

- Нет! Лиса! - засмеялся Пётр Ильич. - Черно- бурая, разумеется.

- Неужели и вы думаете?! - я почувствовал, что краснею.

- Ни капельки! Но не могла же, сам понимаешь, черно-бурая лиса воскреснуть на верёвке и убежать в лес, - сказал Пётр Ильич.

Возразить мне ему было нечего. Рядом с нами две молодые женщины вешали на колёса детских колясок цепочки с замками и подозрительно поглядывали на меня. И я, застеснявшись, как будто и на самом деле украл лису, поплёлся домой.

Дома я включил приёмник и поймал серьёзную музыку. Играла скрипка. Ей подыгрывал оркестр, и мне стало ещё тяжелее от тихого и грустного мотива. Оркестр как будто делал строгий выговор скрипке, а скрипка жалобно оправдывалась.

Потом я стал крутить ручку настройки и неожиданно поймал густой бас диктора. Я хлопнул себя по лбу и не поверил ушам своим... Вот он, выход из положения! Диктор медленно диктовал газетные сообщения.

Я, не теряя ни минуты, взял тетрадку, самописку и стал писать под его диктовку. Он диктовал ещё медленнее, чем Анна Павловна, а потом проверял по буквам слова, и я их проверял:

«...Интенсификация. Точка. Повторяю по буквам: Иван. Наталья. Тихон. Елена. Нина. Соня. Иван. Фёдор. Иван. Карп. Аркадий. Циля. Иван. Ян... Точка».

Это было интересно. А главное, сам диктант мне нравился. Про остров Крит, про запуск нового спутника, про предвыборную лихорадку в Америке, про подготовку к уборке хлеба и к Олимпийским играм.

Но чтобы не получилось так, как будто я списываю каждую букву, я приглушал приёмник, когда диктор совсем медленно по буквам повторял слова.

Увлёкшись, я даже не заметил, сколько времени прошло с начала диктовки. Когда диктор сказал: «...Вёл передачу Савицкий», – у меня уже было написано почти четыре странички.

Я выключил приёмник, проверил диктант (в нём оказалось всего шесть ошибок!), на радостях подбежал к окну и закричал: «Ура! Ура!..», – но тут же спрятался за занавеску и прикрыл рот ладонью.

Во дворе стояли участковый, Ксюша и Пашка. Ксюша размахивала руками и показывала на моё окно. Участковый спросил Пашку:

– Значит, это совпадение? Ты шёл на обед, а Царапкин отвлекал пострадавшую?

– Не ловите на удочку!.. Не ловите... Я ничего не знаю! – сказал Пашка. – Теперь весь век подозревать будете?

Он вытирал руки белой ветошью, как настоящий рабочий человек.

– Мы не подозреваем, а выясняем! – заметил участковый с угрозой.

– Ну и выясняйте!.. И судите!.. И делайте, что хотите! – не выдержал Пашка и зашагал от них прочь.

– Вернись, Зыков! – приказал участковый.

– Вызывайте повесткой! – огрызнулся Пашка.

– Хо-ро-шо, Зыков! Пишите заявление, – сказал участковый Ксюше.

– Не умею... Сроду не писала... – всхлипнула Ксюша.

Я разозлился, что она на всех наговаривает, и крикнул из окна:

– Ксюша! Я подикту-ую!

В этот момент во дворе показалась мама, возвращающаяся с работы. Ксюша, конечно, сразу подбежала к ней. Оправдываться из окна мне не хотелось.

14

Вместо этого я быстро вынес грязную посуду на кухню, разложил на столе диктант так, чтобы он бросился маме в глаза, затолкал под диван карандашные очистки, потом полез в карман за платком и... наткнулся рукой на клубничину. Я хотел бросить её в окно, но промахнулся и попал в стену. Клубничина прилипла к обоям. На них расплылось ярко-красное пятно, и я чуть не взвыл от бешенства: «Что за день?! Лисица!.. Клубника!.. Теперь ещё это пятно! Как ягода попала в

карман?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Notes

1

«Борьба за огонь» – роман писателя Жозефа Рони-старшего о доисторическом прошлом человечества.

Купить: https://tellnovel.me/ru/aleshkovskiy_yuz/oshibki-serezhi-carapkina-povest-i-rasskazy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)